

Э. Асадова, А. Барто, Л. Воронковой, А. Вергелиса, М. Исаковского, К. Калчева, В. Катаева, А. Кешокова и др. писателей. В книге «**Заметки о детской литературе**» собраны статьи более чем о 60 писателях. В 1978 издана книга «**Люди и книги**» (переиздана в 1982). Потребовала переизд. и вышедшая в 1985 книга Б. «**Писатель. Жизнь. Литература**»; расширенное переизд. вышло в 1990 — здесь представлены портреты М. Карима, О. Гончара, Н. Грибачева, Г. Гулиа, М. Дудина, М. Бажана, С. Орлова, Т. Пулатова, А. Югова и мн. др. Постигание душевной сущности того или иного художника для Б. — ключ к его творчеству, суждения автора книги здесь особенно ценны и интересны. Например, о Н. Тихонове он пишет так: «...у меня всегда было ощущение, что рядом со мной не старик, не просто зрелый человек, а „бывалый юноша“» (Писатель. Жизнь. Литература. С. 267); или о Н. Думбадзе: «„От нас зависит...“ Это не фраза в устах Нодара Думбадзе. Это принцип его творчества. Это принцип его общественных дел. Это принцип его жизни» (Там же. С. 285).

За четверть века работы в лит-ре тираж книг Б. составил более 30 млн экземпляров, они были изданы более чем на 50 яз. народов мира. Писатель занимался также переводами, переводил стихи и прозу — произведения А. Арипова, Ш. Бейшеналиева, Г. Бойко, Г. Виеру, Ш. Рашидова, Г. Юшкова. В 1953–55 работал в редакции ж. «Пионер»; затем редакторская работа была продолжена в ж. «Дружба народов», где на посту главного редактора Б. много сделал для публикации на русском яз. лучших произведений писателей народов СССР. Активно работал также в руководстве СП СССР, в его правлении.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1984–85; Избранные произведения: в 2 т. 1977; Стихи без названия. М., 1980; А память все зовет...: роман и повести. М., 1981; Люди и книги: лит. заметки. М., 1982; Стихи минувших лет. М., 1983; Само собой: повести. М., 1985; Индийские стихи. М., 1988; Повторение пройденного: роман. Минск, 1990; Писатель. Жизнь. Литература: лит. заметки. М., 1990; Повести и рассказы. М., 1991.

Лит.: Мотышов И. Мастерская доброты. М., 1969. С. 90–127; Михалков С. Чувство локтя. М., 1971. С. 203–206; Орлов Д. Сергей Баруздин: Очерк творчества. М., 1976; Прилежаева М. Дороги, дороги... М., 1980. С. 116–123; Мотышов И. «Я верю в жизни напряженье» // Баруздин С. Два измерения...: повести и рассказы. М., 1986. С. 584–602; Тераколян Л. Повторение пройденного // Дружба народов. 1996. № 7.

В. А. Шошин

Н. В. Баршев

БАРШЕВ Николай Валерианович [26.9 (8.10).1888, Петербург — 30.3.1938, прииск Журба Магаданской обл.] — прозаик, драматург.

По отцовской линии принадлежал к старинной дворянской семье, его дед Я. И. Баршев — один из первых русских ученых-законников, отец — военный, полковник, мать — балерина Мариинского театра. В 1915 Б. окончил экономическое отделение Петроградского политехнического ин-та, затем служил в Министерстве путей сообщения, после революции — на Октябрьской железной дороге. Жил на казенной квартире на территории Московского вокзала, описанной Л. И. Борисовым в книге «За круглым столом прошлого» (Л., 1971). В начале 1920-х дважды в месяц, по пятницам, здесь устраивались лит. вечера. Приходили Аким Волынский, Валентин Кривич (сын И. Ф. Анненского), Борис Лавренев, Владимир Пяст, Всеволод Рождественский, «заглядывал Алексей Толстой», а также Николай Клюев и Осип Мандельштам. 29 дек. 1925 Б. сопровождал в Москву гроб с телом Есенина.

Дебютировал Б. как поэт в альм. «Стожары» (1923. Кн. 1, 3). Во второй половине 1920-х был членом лит. группы «Содружество» (М. Борисоглебский, Н. Браун, Н. Вагнер, Н. Катков, М. Козаков, М. Комиссарова, П. Медведев, Б. Лавренев, И. Оксенов, В. Рождественский, А. Свентицкий, М. Фроман, А. Чапыгин, Б. Четвериков). В автобиографии Б. писал о начале лит. работы: «...изучив многое, стал служить на железных дорогах. Когда стал железнодорожником,

написал стихи. Были они для домашнего употребления, но судьба вызволила из беды, перевела на прозу. <...> Здесь же на железных дорогах переживал мобилизацию и демобилизацию, здесь же ощутил дыхание Махно — неприятное. <...> Крестными отцами моими в литературе считаю: Всеволода Рождественского и Валентина Кривича. Это они убедили меня, что мне нужно писать» (Красная панорама. 1926. № 24).

Стихи Б. на самом деле написаны в старомодной «чувствительной» манере и свидетельствуют более о душевной расслабленности автора в момент их написания, чем о его лиризме. Несравнимо более значительной частью лит. наследия Б. является проза. Внутренняя культура автора, его обусловленная воспитанием и образованием терпимость к людям свободно сочетаются в ней с широким практическим опытом, с умудренным взглядом выдавшего виды человека. Сбалансированное умозрение автора прямо отразилось на методе и способе трактовки прозаиком самых острых сюжетов революции и Гражданской войны, которыми полны книги Б. В них встречаются вполне экзотические герои, такие, как кубинский доктор Деспилато, приехавший в Россию учиться революции и спасать женщин от проказы (рассказ «**Прогулка к людям**» из одноименного сб.), но доминируют персонажи совсем иного типа — безымянные существователи, персонафицированные у прозаика в собирательном образе «**Гражданин вода**» из одноименного рассказа и сб. (1926). «Граждане что вода,— рассуждают в этом рассказе,— вливай куда хочешь, только берега были бы крепкие, а, по-моему, еще лучше крутые...» Б. интересуют не победители и не побежденные, а выживающие и погибающие в русской усобице. Человек у Б., как брошенный в реку венок: «Поплывет — жить, утонет — умереть. Венки и тонули и плыли, а люди мерли своим чередом: старые — от старости и неустройства, а молодые — оттого, что свинца накопилось много». М. Горький в письме к Б. специально отмечал в связи с этим: «Есть у Вас много хорошей, человеческой печали о людях» (Ленинградская панорама: сб. Л., 1988. С. 476).

Отличительной чертой Б.-прозаика было то, что он свою «печаль» обручил с приглушающей эмоции философской иронией и выражал ее часто с метафорическим изяществом и афористическим блеском. Он писал о людях, «на всякую власть отходчивых», но человечность все же сохраняющих. Судьбы героев Б. часто смешны и всегда неординарны, отличаются от прописных и пропи-

санных временем истин. Один из баршевских чудачков размышляет о «самоочевидностях» истории: «Читал я <...>, будто, чтобы убедить в своей правоте и общей пользе,— нужно море крови пролить. А где я его достану и как его пролью?» («**Летающий фламандрион**»). Вопрос, в парадоксальной форме утверждающий достоинство «маленького человека», не желающего подниматься на «высоты» исторических свершений, с которых можно обозревать моря крови и пролагать по ним курс в «светлое будущее».

Все 5 сб. прозы Б. вышли в коротком промежутке между 1926 и 1929. Это время наибольшей известности писателя. Во второй половине 1920-х он написал также пьесы «**Человек в лукошке**» (1925) и «**Кончина мира**» (1928). В 1928–29 в ленинградском театре «Пролетарский актер» шла пьеса «**Большие пузырьки**» (инсценировка одноименного рассказа, расцененного НКВД во время следствия в 1937 как выражение «контрреволюционных» взглядов писателя). В 1926 Б. в соавторстве с Л. Гордиенко написал книгу «**Техническая и коммерческая эксплуатация железных дорог**».

В 1930-е Б. практически не удается писать и печататься в наиболее для него органичном новеллистическом жанре. Он пишет историю завода «**Красный выборжец**» и повесть «**Несгораемый фейерверк**» — о русских изобретателях XVIII в., но довести до конца ни тот, ни другой труд ему не удается. Совместно с Л. Ю. Грабарем-Шполянским Б. написал пьесу «**Машинист Комаров**» (1933), поставленную Передвижным железнодорожным театром.

Последние годы в Ленинграде Б. жил на ул. Чайковского, 39, где был арестован 11 янв. 1937. Специальной коллегией Ленинградского городского областного суда 7 мая 1937 Б. осужден (по статье 58–10, ч. 1, и 58–11) к 7 годам с поражением в правах на 4 года. На следствии к нему применялись «недозволенные методы», но абсурдных обвинений он не подписал. 19 июня 1937 Определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе, а семья Б. (мать, жена и полутороговая дочь) в 24 часа выслана в Бугуруслан. В авг. 1937 Б. отправлен на Колыму, где вскоре умер.

5 февр. 1957 решение суда по делу Б. отменено и оно прекращено «за отсутствием состава преступления».

Соч.: Гражданин вода. Л., 1926; Прогулка к людям. Л., 1926; Большие пузырьки. Л., 1928; Обмен веществ. Л., 1928; Летающий фламандрион. Л., 1929; Раскол-

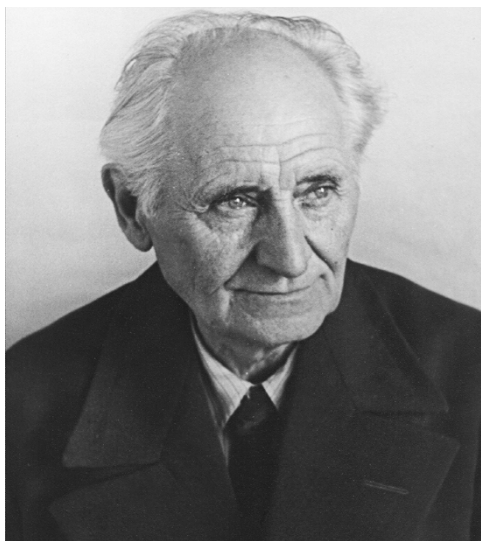
дованный круг: Василий Андреев, Николай Баршев, Леонид Добычин. Л., 1990.

Лит.: Арьев А. Возвращение к людям // Расколдованный круг. Л., 1990; Кураев М. Одинокое плавание // Лит. обозрение. 1991. № 3.

А. Ю. Арьев

БАХМЕТЬЕВ Владимир Матвеевич [2(14).8.1885, г. Землянк Воронежской губ.—16.10.1963, Москва] — прозаик.

Родился в многодетной семье мелкого служащего, имеющей и мещанские, и крестьянские корни. Хотя в автобиографии Б. писал о времени своего детства как о «дремучих, болотных годах», семье были близки радикальные настроения и взгляды: «От матери, зачитывавшейся Щедриным и Ренаном, от дядьев, братьев ее, пьяниц и безбожников, с детства „задичал“ я, к богу не хаживал, начальству не поклонялся, рос сам по себе...» (из «Автобиографии»). После окончания уездного училища работал в земской управе. В годы первой русской революции сближается с социал-демократами — «искровцами» Воронежа, Борисоглебска, Острогжска, вследствие этого был взят под надзор полиции и уволен с работы в управе. В 1908 Б. выехали из родных мест в Сибирь, в Новониколаевск (ныне Новосибирск), где он свободно общался с самыми разными слоями сибирского населения: крестьянами-переселенцами, типографскими и железнодорожными рабочими, со служащими, с представителями коренных национальностей Сибири, что дало

В. М. Бахметьев

ему материал для первых рассказов. В Сибири в 1909 Б. становится членом РСДРП(б), вступив в ее Обскую группу.

По воспоминаниям Б., его первый рассказ «**Лихолетье**» был опубликован в газ. «Обская жизнь» в 1910 или 1911. Его ранние рассказы были разнообразны по тематике, например, «**Воскресение**» — о событиях 1905, «**Алена**», «**Ее победа**» и др. — о женщинах; т. н. «алтайские очерки» (определение М. Горького, положительно оценившего их) «**На земле**», «**Тяга**» и др. — о крестьянах, переселившихся на свободные земли в Сибири. С этих первых соч. Б. обнаружился его интерес к внутренней жизни человека, особенно человека, оказавшегося в условиях трудного социального и нравственного выбора. Б. остается склонным к этой теме и во мн. последующих своих соч.

В 1912–13 Б. редактирует марксистскую газ. «Сибирская новь», все более вовлекаясь в политическую борьбу. В 1916 в Томске он был вновь арестован за распространение литры против войны и провел некоторое время в тюремной камере-одиночке; освободила его Февральская революция 1917. После событий Октября 1917 Б. на несколько лет с головой уходит в большевистскую партийно-политическую работу. Он был членом Томского губпарткома и губисполкома, комиссаром по просвещению Западно-Сибирского учебного округа, редактором томской партийной газ. «Сибирский рабочий». Далее, как пишет Б. в «**Автобиографии**», «чехословацкий бунт, позволивший белогвардейцам захватить почти всю Сибирь, вынудил нас перебраться на Урал. С Урала меня потянуло на родину, в Воронеж, и здесь я пережил все события, связанные с разбойным походом Краснова и Деникина. Затем — Казань». В 1919, еще в Воронеже, Б. пишет свое единственное произведение для сцены — агитационный «драматический этюд в 3-х карт.» «**На заре**» — о том, как была встречена революция 1917 заключенными в тюрьме (2 изд.: в Воронеже и в Казани).

В Казани Б. был редактором «Известий» Татарского ЦИК и газ. «Красная Татария». Весной 1921 он принимал участие в работе X съезда РКП(б), встречался там с В. И. Лениным. С 1921 Б. жил в Москве. Он много занимался редакционно-издательской работой: был в редсовете Госиздата, Центрального профсоюзного изд-ва (кстати, в обработке Б. там был издан роман английского писателя Леруа Скотта «Секретарь профессионального союза»); Б. входил в редколлегии ж. «Пролетарский авангард», «Красная новь» и др., участвовал в работе над изд. «История фаб-